

A surreal illustration of a woman's face, where her features are composed of or merged with a waterfall cascading down a mossy, rocky cliff in a forest. The woman's eyes are visible, looking towards the viewer. The scene is lit with a soft, ethereal light, creating a dreamlike atmosphere. In the top right corner, there is a circular icon with the text '12+'.

12+

Наталия Говорухина
Реальность без границ
фантастика
сборник

Наталия Говорухина
Реальность без границ

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Говорухина Н.

Реальность без границ / Н. Говорухина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В сборник вошли психофантастические произведения. В рассказе "Белый танец" читатель вместе с автором будет искать ответы на вопросы: что будет, если мы вспомним прошлые жизни, сумеем ли простить себя и других за причиненное зло, где найти силы для дальнейшей жизни? Повесть "Прорыв в реальность" поднимает человека до уровня творца не только собственной вселенной, но и иных миров. Готовы ли люди к сложному экзамену, и что неизбежно будет потеряно на пути новой эволюции? Произведение "Кубик Рубика" напоминает детективную историю, в которой героиня вступает в увлекательную борьбу с машиной и распутывает клубок из невероятных событий.

Содержание

Белый танец	5
Прорыв в реальность	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Белый танец

Глава 1

Анна полчаса безуспешно пыталась сесть в маршрутку. Все они были переполнены. Девушка сильно продрогла на февральском ветру. Она чуть заметно переступала с ноги на ногу в сапожках на тонкой подошве, пыталась размять замерзшие пальцы. Аня запустила руку за воротник куртки, подтягивая повыше бирюзовый шарф. Его подарил муж, специально под цвет ее глаз. Сейчас он тоже мерзнет в пяти остановках отсюда. Ждет ее.

В начале улицы появилось спасение. Оно надвигалось быстро, разбрызгивая колесами снежно-грязевую жижу асфальта. Автобус остановился прямо перед Анной, и двери раскрылись с характерным вздохом. Ее втянуло в железную коробку вместе с людским потоком таких же озябших людей. Приятная теплота начала окутывать девушку. Несмотря на прижимающиеся со всех сторон человеческие тела, ей было очень комфортно. Даже по-домашнему уютно. От женщины, за спиной которой стояла Аня, приятно пахло хлебом и булками. «Наверное, в хлебопекарне работает», – подумала она.

Автобус тем временем подъезжал к следующей остановке. Началась людская рокировка: те, кто собирался выйти, стали продвигаться к дверям, остальные уплотнялись глубже внутрь. Анна тоже продвинулась ближе к окну. Теперь перед ней лицом к лицу оказался мужчина. Он был выше девушки на целую голову, ее глаза уткнулись в бегунок молнии. От чуть расстегнутого ворота куртки шел приятный шлейф мужского парфюма. Она мельком посмотрела на мужчину. Он отвернулся к окну. Голубые глаза напряженным взглядом что-то высматривали на улицах города. Мужчина производил впечатление интеллигентного человека.

Девушка давно заметила, что люди, много читающие или имеющие высшее образование, получают от природы на лице некий налет начитанности или интеллигентности. Конечно, подобные черты могут быть и врожденными, но чаще все же они приобретаются с возрастом.

Анна попыталась развернуться или переместиться, чтобы избежать слишком близкого соседства. Но наткнулась на чью-то ногу и услышала за спиной недовольный возглас: «Девушка, аккуратнее!» Пришлось извиниться и снова уткнуться в грудь незнакомцу. Она опять подняла глаза. Теперь мужчина тоже смотрел на нее. Автобус подъехал к остановке и затормозил, увлекая и утрамбовывая внутри человеческую массу. Анна машинально ухватилась за поручень, пытаясь остановить падение. Ее рука легла прямо на руку незнакомца. Раздался щелчок пробежавшей между ними искры. Девушка машинально оторвала руку и, навалившись всем телом на мужчину, воскликнула: «Ай!»

Сквозь дутую куртку она почувствовала, как рука незнакомца крепко удерживает ее за талию. Анна освободилась из объятий, взялась за поручень и снова взглянула на мужчину, при этом пролепетала:

– Спасибо.

– За удар током? – улыбаясь, спросил он.

– За поддержку, – смущенно ответила Анна.

– Всегда пожалуйста, Анника, – эхом в ушах прозвучали слова незнакомца.

Девушке они показались очень знакомыми. До боли. До дрожи в коленях.

– Почему Анника? Я Аня, – растерянно произнесла она.

– А я Николаус, помнишь меня? – спросил незнакомец.

Он излучал счастье на лице, словно нашел что-то давно потерянное и был несказанно рад этому.

– Я... Нет, не помню. А должна? Так ты Николай, говоришь?

Анна рылась в своей памяти, постепенно погружаясь все дальше и дальше: институт, школа, детский сад... «Ну какой детский сад! Что за странный человек?!» – с возмущением подумала она. «Он просто имя мое хотел узнать, вот и все!» – вдруг осенило девушку. Она рассмеялась.

– Ловко ты меня привел! Николаус, ага, конечно. Ты у всех девушек так имя спрашиваешь?

По лицу Николая пробежала еле заметная тень печали. Он отрицательно качнул головой и снова заулыбался.

– Нет, только у тебя, – чуть помедлив, он добавил, – Аня. Можешь меня Николаем звать. Мне все равно.

Анна начала нервничать. «Псих, похоже. Надо заканчивать этот странный разговор», – подумала она, вслух сказала:

– Звать я тебя не буду, даже не рассчитывай. Скоро выхожу. И меня муж на остановке встретит.

Девушка довольно убедительно дала понять, что продолжения знакомства не стоит ожидать. При этих словах Николай помрачнел. Его глаза вдруг потемнели, теперь в них преобладали синие оттенки.

– Муж? – переспросил он.

– Да. Почему тебя это удивляет? – Анна недовольно пожала плечами.

– И зовут его, наверное, Виктор? – снова спросил Николай.

Повернувшись было к выходу, Аня замерла на месте. Ее рот непроизвольно раскрылся в удивлении. Немой вопрос повис в воздухе. «Откуда он знает?» – спрашивала она себя снова и снова. Девушка посмотрела в синие глаза незнакомца, и что-то, глубоко спрятанное внутри нее, начало рваться наружу. Непонятные образы мелькали на доли секунды в голове. Обрывки картин, словно комиксы, вспыхивали перед глазами: старинный каменный дом, чей-то возглас: «Я не делал этого! Анника, верь мне!» – девушка на лошади, она торопится, Виктор с длинными русыми волосами преграждает ей путь...

Анна сильно выдохнула. Ее глаза расширились. «Виктор же брюнет!» – вспыхнуло в мозгу. Какая-то страшная догадка крутилась в голове. Но Аня не дала ей вырваться наружу. Она встряхнула головой: «Что за ерунда!» Девушка ничего не стала говорить незнакомцу, отвернулась и начала протискиваться к выходу. Ей стало душно.

Автобус остановился. Анна с радостью вышла на морозный воздух. Она подняла голову вверх и глубоко вздохнула. Перед ней раскинулось темное покрывало неба. В свете фонаря был виден танец крупных снежинок. Они расправили свои белоснежные пачки и кружились в медленном ритме только для них звучащей музыки.

– Наконец-то. Что так долго? – услышала девушка голос Виктора рядом с собой.

Она опустила голову, натянуто улыбнулась. Посмотрела на знакомые черты мужа: волевой подбородок, глубоко посаженные карие глаза, высокий лоб.

– Извини. Никак не могла уехать, – тихо сказала она.

– Пойдем скорее домой. Совсем продрог.

Виктор взял было жену под локоть, но замер. Анна удивленно посмотрела на него. Муж стоял как вкопанный, его взгляд был устремлен за ее спину. Она обернулась. Автобус уже отъехал, и люди, вышедшие из него, разбежались по домам. На остановке остались только трое: она, Виктор и незнакомец из автобуса.

– И как давно вы встретились? – ледяным голосом спросил муж.

Ане стало не по себе от этого вопроса. Виктор никогда не разговаривал с ней таким тоном.

– Ты его знаешь? – девушка показала рукой на Николая, она была в растерянности.

Виктор не отвечал. Мужчины смотрели друг на друга: Николай – с вызовом, чуть подняв голову вверх, Виктор – грозно, сведя брови к переносице.

– Что происходит? – жалобно спросила ничего не понимающая девушка.

– Иди домой, Аня! Я тебя догоню, – приказным тоном сказал муж.

Она еще мгновение переводила взгляд с одного мужчины на другого, вдруг резко развернулась и бросилась бежать домой. Растерянность сменилась страхом. Он комом подкатывал к горлу и мешал дышать. Разум подсказывал ей, что надо бы остаться и разобраться в этой ситуации. Но что-то внутри кричало: «Беги! Беги со всех ног!»

Мужчины остались на остановке вдвоем.

– Ну что, опять встретились? – Николай усмехнулся. – И ты снова опередил меня.

– Не смей к ней приближаться! Ты же видишь, она ничего не вспомнила, – Виктор исподлобья смотрел на соперника. – Кстати, как ты ее узнал?

– Нас ударило током в автобусе, она упала на меня, и я все понял. Сразу. У нее красивый цвет глаз, еще лучше. И теперь она блондинка. Вы словно поменялись типажам.

По мере того как Николай говорил, он начал улыбаться, и его улыбка становилась все шире. В то же время Виктор все сильнее сжимал ладони в кулаки, костяшки на пальцах даже побелели, а плечи напряженно подались вперед.

– Даже не смей думать о ней. Она моя. Понял?! – всем своим видом Виктор показывал, что готов ринуться в бой.

– Да понял, понял. Все как обычно, – все также простодушно улыбаясь, сказал Николай.

– Нет, не как обычно. Мы с тобой все помним, даже лица свои вернули, а она нет. Неужели не видишь, ты ее напугал, – Виктор все сильнее раздражался.

– А мне показалось, это ты ее напугал.

– Она сделала свой выбор и давно. Оставь нас в покое! – процедил сквозь зубы Виктор.

– Разве у нее был выбор? – спросил Николай, словно не замечая угроз противника.

– Увижу рядом с ней, уничтожу. Как и в прошлый раз. Помнишь, надеюсь?

Николай перестал улыбаться:

– Неужели снова пойдешь по тому же кругу? Ради чего?

– Ради нее, – ответил Виктор.

Он еще раз бросил угрожающий взгляд на соперника, развернулся и пошел домой. Николай не тронулся с места. Его задумчивый взор провожал Виктора. Мужчина тяжело вздохнул, засунул руки в карманы, поднял голову и посмотрел в ночное небо. Белоснежные балерины продолжали свой неспешный танец. Счастливая улыбка растянулась по лицу Николая.

– Я нашел тебя, – тихо прошептал он кому-то на небе.

Глава 2

Виктор быстрым шагом дошел до дома. Он был сосредоточен и не заметил, как оказался перед дверью квартиры. Мужчина медлил, он обдумывал, что скажет жене. Приняв решение, достал ключи из кармана и открыл дверь.

Сняв куртку и бросив ее на банкетку, Виктор обошел комнаты квартиры. Анна сидела в спальне у окна. В темноте. Она облокотилась на подоконник, положила голову на ладонь и смотрела на кружившиеся снежинки за ледяной поверхностью стекла.

– Снег идет. Красиво, – сказала она, не оборачиваясь.

Читавшаяся ранее решительность во взгляде Виктора исчезла. Его взор стал мягким. Он подошел к жене и ласково погладил ее по голове. Она повернулась и уткнулась в его живот, обвив руками за талию.

– Все хорошо, – тихо сказал он и обнял одной рукой ее за плечи, а другой приподнял лицо за подбородок так, чтобы видеть ее глаза. – И что бы ни произошло, главное помни, я очень, очень тебя люблю.

Она согласно кивнула и снова уткнулась в его живот, пытаясь скрыть показавшиеся на глазах слезы.

Утром Виктор проснулся от громкого возгласа жены. Он резко сел на постели, осмотрелся. Анна уже встала. Мужчина не мог понять, он действительно слышал ее крик или ему это только приснилось. Всю ночь его мучили кошмары, он постоянно просыпался, проверял, спит ли рядом жена. И теперь был совершенно измучен.

Он встал и вышел в коридор. Было слышно, что в ванной течет вода. Виктор подошел к двери. Свет включен. Тихонько постучал.

– Аня, у тебя все в порядке? – спросил он.

Замок в двери щелкнул. Предчувствуя неладное, мужчина медленно открыл дверь. Жена стояла перед зеркалом спиной к нему. Светлые выющиеся волосы были распущены и чуть блестели в свете потолочных лампочек. Он так любил гладить их рукой. Виктор подошел ближе к жене. Она не двигалась. Он бросил взгляд на нее через зеркало и обомлел.

На него смотрела Анника глазами Ани, глазами цвета бирюзы. Два любимых образа соединились в одной женщине. Ее черты изменились, не сильно. Скулы стали мягче, лицо чуть вытянулось, рот уменьшился, но губы казались пухлее. В сердце сильно защемило, но он не обращал внимания на боль. «Она вспомнила! Вспомнила!» – только одна испуганная мысль и трепетала в мозгу, металась, не зная, где найти себе место и уюмониться. Анна медленно повернулась к мужу и посмотрела на него. Он не смог выдержать ее испытывающего взгляда. Ноги сами подкосились, и он упал на колени.

– Прости меня, прости, если сможешь, – только и прошептал Виктор, обняв женщину.

Она, бледная, словно восковая кукла, стояла, опустив руки, и смотрела прямо перед собой невидящими глазами. Что-то теплое промелькнуло в ее взгляде. Девушка опустила глаза на макушку мужа, медленно подняла руку и положила на его голову, погладила. Он еще сильнее прижался к ней от неожиданной ласки.

– Ну что ты? – спокойно сказала Аня. – Что бы ни произошло, мы же любим друг друга. Да?

Виктор встал, нежно взял ее голову в свои руки, заглянул в глаза в поисках подтверждения прощения, потом крепко обнял жену.

Глава 3

Николай стоял во дворе панельной высотки. Дом был построен буквой «П» и напоминал колодец. Он всматривался в окна, пытаясь разглядеть в одном из них знакомый образ. Встречал каждую женщину, входящую во двор, надеялся увидеть Аннику по возвращении с работы домой. Неожиданно за спиной раздался голос Виктора:

– Аню ждешь?

Николай резко повернулся. Его он точно не ждал. Мужчина кивнул в ответ. Его удивило, что Виктор был совершенно спокоен, ни настороженности во взгляде, ни напускной воинственности.

– Не жди. Она дома.

Эти несколько слов сильно встревожили Николая. Значит, Анника или Аня не пошла сегодня на работу.

– Что случилось? – спросил он.

– Она вспомнила, – все так же спокойно ответил Виктор.

Глаза Николая наполнились ужасом. Он схватил соперника за плечи.

– Ты что, снова запер ее?! – воскликнул Николай.

– Зачем? – ответил вопросом на вопрос мужчина.

Николай внимательно посмотрел на Виктора. Тот был невозмутим и доброжелателен, как никогда. На него сейчас смотрели не прежние холодные серые глаза, а два теплых уголька.

Николай опустил руки, широкая улыбка заиграла на его лице. Он оглянулся на окна дома, снова посмотрел на Виктора. Его внутренние метания отражались в движениях и словах:

– Так она меня вспомнила!

– И меня тоже, – добавил Виктор, кивнув головой.

– И что, что она сказала? – Николай снова требовательно схватил Виктора за плечи.

– Она простила меня.

– Что? – Николай брезгливо посмотрел на соперника. – Как это можно простить?

– Она любит меня.

– Этого не может быть! Ты врешь!

Лицо Николая исказилось от внутренней боли. Он отпрянул от соперника, сделал несколько тяжелых шагов в сторону, схватился за перила детской горки, чтобы не упасть.

– Прости. Я знаю, как тебе сейчас больно и как было больно тогда. Прости, – Виктор устало склонил голову.

– Нет! Ты не знаешь, как мне больно! – крикнул Николай.

– Знаю, – тяжело вздохнул Виктор.

Николай дернул вниз бегунок молнии, стянул шапку с головы. Он стал раздирать в стороны шарф на шее. Мужчина часто дышал, склонился в пояс.

– Тебе плохо? – Виктор попытался подойти к Николаю.

Тот резко вытянул руку вперед, останавливая его.

– Не подходи.

Его дыхание стало глубже. Николай выпрямился. Он взял себя в руки.

– Но это неправильно. Так быть не должно.

– А как должно быть? – удивился Виктор.

– Мы пришли снова, чтобы закончить ту историю. Она должна полюбить меня и остаться со мной.

Виктор попытался улыбнуться, но боль, рвущаяся наружу, исказила лицо печальной гримасой:

– Та история закончилась двести лет назад. Просто уже без тебя. Анника спрыгнула с утеса в море. А я остался страдать, за троих. Та история была неправильной с самого начала.

Николай стоял ошарашенный. Февральский ветер трепал его волосы.

– Не надо, не мучай ее. Если действительно любишь, отпусти, – тихо добавил Виктор. Махнув рукой на прощание, он пошел домой.

Николай натянул шапку на голову, попытался уложить шарф на шее. У него плохо получилось это сделать, но куртку он все же застегнул. Она топорщилась валиком, словно там, на груди, за пазухой было что-то спрятано. Николай нетвердым шагом направился прочь со двора.

Глава 4

Анне пришлось уволиться с работы, чтобы избежать лишних вопросов с внешностью. По совету Виктора она подала заявление в полицию об утере паспорта. Каждое утро, разглядывая чуть обновленные черты в зеркале, девушка училась принимать себя, не пугаться случайно застигнутого отражения в зеркальных поверхностях. Постепенно она все больше вспоминала деталей из прошлой жизни. Но они все меньше интересовали ее. Аня сейчас наблюдала ту историю словно со стороны, без лишних эмоций.

Николаус и Виктор были братьями. Виктор – старший. Он увидел ее на осенней ярмарке. Тут же сделал предложение ее родителям. Оно было принято. Виктор желал обвенчаться как можно быстрее. И к началу зимы они поженились. Анника не была влюблена в своего мужа, но уважала и даже побаивалась. Он был старше, волевой, целеустремленный и немного холодный. Так ей казалось. На рождественские праздники домой вернулся Николаус – полная противоположность старшего брата, веселый, легкий в общении. Он много путешествовал и с удоволь-

ствием об этом рассказывал. Аннике нравилось его слушать. Он будил в ней воображение о далеких странах, где было много чудес и куда она никогда не попадет.

Николаус стал оказывать знаки внимания Аннике. Однажды он взял ее ладонь в свои руки и поцеловал кончики пальцев. Анника покраснела, но не выдернула руки. В этот момент Виктор вошел в комнату. Был страшный скандал. Николаусу пришлось покинуть отчий дом.

Муж запретил Аннике выходить на улицу. Она ужасно мучилась взаперти. Постоянно искала, чем занять себя, чтобы отвлечься, но мысли сами собой возвращались к Николаусу.

Однажды она получила от него записку. Он предлагал бежать. Аннику долго мучили сомнения, но она решилась. Николаус должен был ждать ее в условленном месте. Ночью она попыталась сбежать. Оседлала лошадь и направилась со двора. Сердце бешено колотилось в груди. Еще немного – и она свободна. Анна помнила это зовущее чувство. Но Виктор остановил ее. И это был крах всех надежд. Ее – на возможность испытать настоящую любовь, и его – на воссоединение семьи со временем. Виктор еще больше обозлился на брата. Анника начала чахнуть от тоски.

Вскоре Николаус был арестован по подозрению в убийстве. Об этом ей шепотом сообщила служанка. Его признали виновным, помогли свидетельские показания. Казнь проходила на центральной площади города. Анника в сопровождении Виктора тоже поехала туда. Он не хотел пускать ее, уговаривал не ехать. Она была непреклонна, впервые в жизни.

Николаус стоял на эшафоте и искал глазами ее в толпе. Нашел. Обрадовался. Закричал: «Я не делал этого! Анника, верь мне!»

Она рыдала. Рыдала на площади. Рыдала по дороге домой. Обвинила Виктора в убийстве брата. И бросилась бежать от мужа. Сломая голову. Только бы подальше от него. Виктор не стал ее догонять. Она помнила чувство ледящего ужаса в душе – ни единой минуты Анника не хотела находиться рядом с убийцей ее любви. Помнила боль, раздирающую душу – она никогда больше не увидит Николауса. Анника бежала, не разбирая дороги. Кусты преграждали путь и заставляли менять движение, словно направляли ее. Ветки хлестали по лицу и рукам, будто бичевали, наказывали. Слезы текли из глаз, затуманивали взор.

Вдруг все прекратилось. Впереди была свобода. Она отерла глаза. Анника стояла на краю утеса. Внизу бушевало зимнее море. Волны тяжелой массой накатывали на скалы, разбивая их и тут же лаская раны. Аннике так захотелось быть обласканной. Ее лицо озарила блаженная улыбка, она сделала шаг и полетела навстречу свободе...

Глава 5

Анна помнила свое падение и чувство того, что ничего уже нельзя изменить. Она совершила столько ошибок, заставила других их совершить. И ничего уже нельзя исправить! Ничего!

Аня решила прогуляться до магазина, развеяться. Сегодня ей хотелось приготовить на вечер что-нибудь особенное. Она размышляла, на чем же остановить свой выбор. Может быть, вообще совершить геройский поступок и приготовить пирог. Анна улыбнулась своим мыслям.

– Здравствуй, Анника, – услышала она мягкий голос за спиной.

Анна обернулась. Это был Николаус, или Николай. Она предпочитала сегодняшние имена. Повторять прошлую историю ей не хотелось.

– Здравствуй. Я Аня. Я же тебе говорила, – сказала она.

Мужчина помрачнел.

– Значит, Виктор прав. Ты простила его.

– Мне не за что прощать его. Он заботливый и любящий муж, – словно не понимая собеседника, Анна пожала плечами.

– Но ты же все вспомнила. Нашу любовь. Это он меня подставил...

Анна в раздражении подняла руку, останавливая собеседника:

– Мы все виноваты в той истории. И все должны простить друг друга.

– Аня, я искал тебя. Во всех женщинах, которых встречал в этой жизни. В старых и молодых. Во всех и везде, понимаешь? – в глазах Николая читалась скорбь. Он желал разбудить в ней прежние чувства.

– Для чего? Для чего ты искал меня? – спросила Анна.

Ее взгляд был невыносимо испытывающим для Николая.

– Анника, а как же наша любовь? – срывающимся голосом сказал мужчина.

Он не узнавал той наивной девушки в стоящей перед ним женщине.

– У нас была лишь влюбленность. Мы совершили ошибку и заставили себя и других страдать. Я не хочу больше страдать, – ответила твердым голосом Анна.

– Ты называешь нашу любовь ошибкой?! – возмутился Николай.

Он смотрел на Анну широко раскрытыми глазами. В них читалось удивление, возмущение, досада.

Анна тяжело вздохнула. Она устала от этого разговора. Собеседник не слышал ее, не хотел понять. Она сделала последнюю попытку все объяснить.

– Тогда мы прожили с тобой свою историю любви. Теперь я с Виктором проживаю нашу историю любви. Понимаешь? Посмотри вокруг. Сколько людей! – она обвела рукой улицу. – И каждый. Каждый ждет любовь, чтобы в обмен подарить свою. Перестань искать прошлое. Начни жить сейчас. И не приходи больше. Прости. Я пойду, ладно? Пока.

Анна мельком улыбнулась на прощание, как бы извиняясь, и пошла своей дорогой.

Николай, отрешенный, стоял посреди улицы. Он смотрел на прохожих. В его глазах читалось удивление, словно он впервые оказался в городе и был в растерянности от количества людей и машин вокруг.

Молодая женщина шла по улице и улыбалась своим мыслям. Она только что поняла, чем все-таки порадует мужа вечером: «Несомненно, пирог! Как я могла сомневаться?!»

Прорыв в реальность

Беспилотник замедлил скорость. Он облетел склон горы в поисках места для посадки. Наконец показалась расчищенная от кустарников и деревьев площадка, и аппарат стал снижаться. Радостное волнение охватило сердце, ведь я скоро встречу с отцом. Прошло около шести месяцев, как он начал работать над новым проектом. Отец был его руководителем, и сам выбрал довольно удаленное от города место для размещения лаборатории. Когда я спрашивала, зачем так далеко, папа отшучивался: захотелось пожить на природе. Я ему не верила. Но допытываться не стала. Если нельзя говорить о работе, значит нельзя. Я знаю правила.

Зима была на исходе. Пробуждение природы чувствовалось во всем: маленькая зеленая травка виднелась местами, ручейки от таявшего снега весело бежали по склону горы, а самое главное – воздух. Вдыхая, я каждый раз словно делала глоток живительной воды после долгой жажды. Ощущение того, что не только я радуюсь приближению весны, но и маленькое существо внутри меня, растущее с каждым днем, дарило мне необыкновенное чувство счастья. Мы вместе вдыхали ароматы леса, наслаждались окружающим миром. Это было так ново и необычно, я словно заново училась жить. Город с одноцветными зданиями и установленным раз и навсегда климатом не мог подарить таких чувств, и все разнообразие световых инсталляций не компенсировало отсутствие праздника пробуждения жизни.

Я с удовольствием впитывала окружающую картину и даже специально решила пройти к зданию лаборатории лесом, чтобы в полной мере насладиться природой и еще раз немного подумать. Голову занимали размышления о ребенке, которого ждала. Мне очень хотелось его сохранить. Но мы с Себастьяном не получили разрешения на его рождение. Я знала, что в таких ситуациях Совет города редко идет навстречу родителям. Наш номер в очереди на появление ребенка был далеко за сотню. Это означало, что мы могли позволить себе родить только через пару лет в лучшем случае – один из способов борьбы с перенаселенностью, ничего не подделаешь. Очередники получали разрешение только со случайной гибелью какого-нибудь горожанина. А от старости люди почти не умирали. В общей человеческой массе для целей общества это казалось рациональным и таким необходимым, но когда коснулось лично меня, мириться с таким порядком вещей не хотелось. Мне нужен был совет отца: как сделать так, чтобы родить ребенка сейчас, вне очереди.

Я старалась двигаться осторожно, чтобы не поскользнуться на влажных камнях. Это так заняло внимание, что не сразу почувствовала наблюдателя за спиной. Но отчетливое ощущение, что кто-то сопровождает меня, заставило оглянуться. На меня смотрели два желтых холодных и расчетливых глаза. От неожиданности не сразу поняла, какому существу принадлежит этот вгоняющий в ужас взгляд. Прежде чем осознала, что стою перед волком, в моей голове лавиной неслись мысли: «Как можно было так безответственно поступить и приехать сюда одной, да еще и не предупредив никого? Что делать, оказавшись в такой ситуации? Почему он так внимательно за мной наблюдает?» И тут еще одно понимание прострелило мозг. Волк же хищник, а я – его жертва на сегодня, я и мой неродившийся ребенок.

Такого ужаса я никогда еще не испытывала в жизни, оцепенение охватило все тело. По спине побежала струйка пота, но руки и ноги стали ледяными, их покрывали мурашки, словно стоял трескучий мороз. Волк начал приседать на задние лапы, и снова мысль пронзила мой мозг: «Готовится к прыжку». И тут поняла, что должна остановить зверя любой ценой, должна защитить своего малыша. Но что можно было сделать в такой ситуации? Так необходимый сейчас нейтрализатор оставила по рассеянности в беспилотнике.

Городской человек не привык сталкиваться с опасностью. Именно поэтому до сих пор происходили случайные смерти. Современные люди воспринимали тело лишь как сосуд и забо-

тились о нем только по необходимости. Мой сосуд сейчас мог разбиться, правда, при этом осколки открыли бы дорогу для прихода в мир нового человека, стоящего в списке очередников.

Тогда я сделала то, что считала наиболее возможным в этой ситуации, запела. Сначала тихонько, но по мере того, как волк начал выпрямлять задние лапы, голос звучал все громче и увереннее. Теперь я своим пением гипнотизировала это дикое существо. И неожиданно открылась простая истина: показывая умение, недоступное другому, вызываешь у него уважение или даже преклонение. Звенящий на весь лес голос переместил меня для волка из роли жертвы в хищника или даже высшее существо. Я почувствовала себя лесным духом, к которому прислушивается все живое. Мы словно слились в единое целое и творили вместе нечто неуловимое, но такое понятное – создавали жизнь.

Вдруг волк начал колебаться: он то смотрел в сторону, то оглядывался назад. Его явно что-то беспокоило. Я осторожно осмотрелась вокруг и увидела Дингу – огромную собаку отца. Она узнала меня, подошла, встала рядом и, оскалив зубы, начала рычать на волка. Перестав петь, я стала копировать поведение Динги – открыла рот, выставила зубы и пыталась издать что-то похожее на рык, зачем-то еще подняла перед собой руки с расставленными пальцами и показала красные наманикюренные ногти. Теперь два хищника демонстрировали другому свою силу. Наша с Дингой бравада подействовала, и волк, решив не связываться со столь воинственной стаей, развернулся и убежал в лес. Я с облегчением выдохнула, упала на колени и благодарно обняла собаку за шею. Она радостно завиляла хвостом и лизнула меня по щеке. Переведя дух, мы вместе направились в лабораторию.

Отец, как обычно, был занят исследованиями. Узнав о моем приезде, он сразу поднялся в вестибюль.

– Арсения! Ты одна приехала? – удивился он. – Где твой ухажер?

Отец недолюбливал Себастьяна и каждый раз демонстрировал это.

– Он не ухажер. Он мой парень. Почему ты его так не любишь?

– Не хватало еще, чтобы я его любил! Это ты люби своего ухажера, а для меня главное, чтобы он был достоин тебя. Я пока этого не вижу. Ну так почему одна, неужели разбежались? – в зеленых глазах отца заблестели лучики надежды.

Я подумала, что пора бы ему смириться с наличием другого мужчины в моей жизни, а вслух сказала:

– Мне нужно с тобой поговорить, это очень важно для меня.

Отец как-то сразу весь напрягся и даже вжал голову в плечи:

– Когда твоя мама мне говорила подобные слова, ничего хорошего это не предвещало. Последний раз она так сказала при нашем расставании. Что-то случилось?

– Давай не здесь. Пойдем к тебе, – сказала я.

Мне не хотелось, чтобы кто-то стал свидетелем разговора. Сотрудники лаборатории, хоть их было и немного, постоянно курсировали мимо нас. Возникло ощущение, что за нами наблюдают.

Отец погладил бороду, оглянулся вокруг, а потом предложил:

– Раз такое дело, может лучше прогуляемся по новой аллее? Ты видела, какой нам парк разбили?

– Нет, я лесом шла от парковочной площадки, хотела воздухом подышать, – мне пришлось сознаться в своей не единственной на сегодняшний день шалости.

– Тогда вперед, пойдем покажу парк, – обрадовался отец.

«Что же у них тут происходит? Папа не хочет разговаривать даже в своем жилом блоке, подозревая о важности моего сообщения. Странно все как-то», – подумала я.

Мы вышли из здания и направились к центральной аллее парка. Динга, до этого смиренно сидевшая рядом, начала радостно носиться вокруг. Она нарезала круги, каждый раз замедляя бег возле нас и заглядывая в глаза отцу. Словно проверяла, все ли в порядке, доволен ли хозяин. Все-таки необыкновенная преданность у этого животного.

– Ну, что у тебя случилось? – спросил отец, сразу переходя к делу.

Он вообще не любил «тратить время впустую». Это были его коронные слова. Когда ему хотелось закончить неприятный разговор, он использовал именно их. Говорил: «Перестань тратить мое время впустую, просто скажи, что ты от меня хочешь». Тем более удивительно было это слышать от современного человека, имеющего, как правило, огромный ресурс времени для жизни.

– Я беременна, – не тратя лишних слов, ошарашила я отца.

– Ээ, ммм, вы получили разрешение на ребенка? Так быстро?

– Нет, у нас нет разрешения, – ответила я и опустила глаза в пол, как нашкодившее дитя.

– Подожди, ничего не понимаю. Как же вас допустили к искусственному оплодотворению? – отец пытался сложить в голове пазлы, чтобы получить картинку происходящего.

– Папа, ну ты же не ребенок, чтобы я тебе объясняла, как делают детей! – возмутилась я.

– Дорогая, ты тоже не ребенок и знаешь, что случаи естественного зачатия сейчас крайне редко происходят. Совсем разучились детей делать! – с досадой выпалил отец. Наконец, полностью осознав происходящее, радостно добавил, – Передались гены-то. Мы тебя с мамой тоже сами сделали. Поздравляю! Ай да, Себастьян! Молодец! Вот теперь я его уважаю.

Вот это новость! До сегодняшнего дня я не знала эту одновременно маленькую и большую подробность своего рождения. Значит, Совет разрешил родителям меня оставить. Правда, с другой стороны, они могли все и в положенный срок сделать. Нет, невозможно. Так быстро уложиться в отведенное время? При всех трудностях с естественным зачатием у современных людей? Невозможно! Поэтому все поголовно и делают искусственное оплодотворение. В моей душе забрезжили лучики надежды. А отец продолжал радоваться как ребенок. Он потирал руки, глаза светились от счастья. Я давно его таким не видела.

– Ты же знаешь, как только скажу о своей беременности, меня отправят на принудительный аборт. А я хочу оставить малыша. Что теперь делать-то? – спросила я.

– Рожать! Что делать? – отец ненадолго задумался, потом добавил, – Ты никому пока не говорила?

Я отрицательно мотнула головой.

– Только Себастьян знает, и все. Мы решили сначала с тобой посоветоваться.

– Правильно. Пока никому и не говорите. Я сам получу для вас разрешение.

– Но как? Я слышала, это практически невозможно, – мой голос выражал сомнение, но внутренне была уверена, он сможет. Не знаю, как, но сможет.

– Это теперь не твоя забота. Ты, главное, о ребенке думай, о себе заботься. Н-да...

Отец погрузился в свои размышления. Мне не хотелось его прерывать, но на языке вертелся вопрос. Он мучил меня и вырывался наружу:

– Папа, а как вы с мамой получили разрешение на меня?

Отец встрепенулся и, немного растягивая слова, ответил:

– Моя работа, на корпорацию. Я продался им. На всю жизнь... Н-да...

За этим простым ответом я почувствовала всю трагедию жизни отца. Его работа всегда была предметом спора между родителями. Мама периодически требовала, чтобы он оставил корпорацию. «Ты не должен участвовать в их бесчеловечных опытах», – говорила она. Отец каждый раз отвечал, что не может этого сделать, пока однажды мама не оставила его и не ушла к другому мужчине. Неужели она ничего не знала о договоре отца?

– Ну что, идем я тебя угощу чем-нибудь вкусненьким? – прервал мои размышления папа.

– Давай, – обрадовалась я, перекусить сейчас не помешало бы.

Мы направились к зданию жилого корпуса. Нагулявшаяся Динга шла рядом. И тут я вспомнила о своем столкновении с волком. Мне не хотелось говорить отцу об этой опасной встрече, но знала, что он часто ходит в лес выгуливать собаку. Значит, следовало предупредить. И я начала издали:

– Папа, а вы с Дингой часто ходите гулять в лес?

– Каждый день, с утра пораньше. Мне нравится: нагуляешься и весь день бодрим себя чувствуешь.

– Меня Динга в лесу встретила. Ты ее отпускаешь одну гулять? – снова задала я навоящий вопрос.

– Она обычно на территории базы бегают или отсыпается после прогулки. Динга, наверное, увидела твой аппарат и побежала встречать. А что? – спросил отец, почувствовав подоплеку в моих вопросах.

– Я наткнулась на волка. Он наверняка представляет опасность для собаки.

Только я подумала о том, что удачно перевела разговор на Дингу, как отец спросил:

– Надеюсь, нейтрализатор был при тебе?

Ну что мне оставалось делать? Наше поколение было приучено с детства никогда не врать и чувствовать ответственность за поступки, при этом моя беременность была не в счет. Я не лгала, я просто не говорила о ней. Отцу же пришлось сознаться во всем. Я рассказала о случае в лесу и своих ощущениях при этой встрече. На что он отреагировал неоднозначно:

– Очень интересно. Н-да... Какую ты мне пищу для размышления подкинула. Н-да...

Я удивленно уставилась на него:

– Ты даже не будешь журить меня за забывчивость?

– Дорогая, ты уже взрослый человек, собираешься стать матерью. Это был твой урок. Делай выводы сама. А что еще ты сегодня забыла сделать?

Я потупила глаза в пол и виновато сказала:

– Не предупредила Себастьяна, что сюда полечу. И тебя тоже. Все время думаю, если бы волк напал на меня...

Я замолчала, воображение подсказывало яркие картины поисков: отец с Себастьяном носятся по лесу вслед за возможно еще работающим маячком, а я... Ужас!

– Пора взрослеть, дочка. Пора. Теперь ты не только о себе должна заботиться, сама понимаешь.

После разговора с отцом вернулась домой окрыленная. У нас есть надежда. И даже колкие замечания Себастьяна о моей безответственности, папа успел связаться с ним и доложить о происшествии, не смогли испортить настроение. Возможно, эта встреча со зверем была нужна, чтобы что-то понять, почувствовать, научиться сражаться за свою жизнь и, в конце концов, ощутить саму жизнь по-новому.

Неделя пролетела в переживаниях и ожидании вестей от отца. Мы с Себастьяном были напряжены, но каждый из нас старался скрыть свои чувства. Внешне показывали друг другу, что все в порядке. При этом каждый внутренне готовился принять любой результат. Я старалась отвлечься от плохих мыслей, занималась творчеством. Новый заказ на инсталляцию был мне в помощь.

Каждое утро подходила к огромному экрану и начинала творить. То, как старые художники, клала мазки, растушевывала их, подбирала цвета, то, как современный инсталлятор, вытягивала образы в объемные проекции, прокладывала еле заметные дорожки между ними, меняла освещение внутри картины, создавая акценты. Я творила новый мир. Или пыталась повторить тот, что ощутила недавно в лесу. Так я еще никогда не работала. К концу недели проект был практически завершен. Добавлены необходимые звуки, ароматы. Но чего-то не

хватало. Снова и снова запускала экран, бродила внутри инсталляции, но не могла уловить недостающей детали.

В таком задумчивом состоянии меня и застал Себастьян. Я так была увлечена, что не услышала, как он пришел.

– Красиво получилось, – неожиданно сказал он, стоя за моей спиной.

– Когда ты пришел?

– Да минут пять как уже разглядываю твою работу. Ты почти проверяла? – спросил он, подошел к столу, налил себе воды, потом жадно выпил ее, поставил стакан и посмотрел мне прямо в глаза.

Скрывая свои чувства, мы давно уже не смотрели друг другу вот так, прямо в глаза.

– Нет, не хочу расстраиваться. Потом работать не смогу, – ответила откровенно и тоже посмотрела на него.

О боже, нет! Или наоборот, да! Совсем запуталась. Себастьян улыбался одними глазами, так ласково и нежно.

– Неужели мы получили разрешение?! – воскликнула я.

Он одобрительно кивнул головой, а потом, засмеявшись, сказал:

– Иди сама проверь.

Зачем мне было проверять? Достаточно и одного его слова, чтобы радость охватила сердце. Мы, словно две яркие лампочки, светились от восторга, обнимались, кружились по комнате, целовали друг друга в глаза, щеки, губы. Нас накрыло счастье. И это был тоже новый мир, наш новый мир. Мы создавали его вместе для будущего, нет, уже настоящего ребенка.

На следующий день мы отправились к отцу. Конечно, я сообщила ему о великолепной новости, но нам хотелось лично выразить свою благодарность. И, конечно же, папа обо всем уже знал. Он встретил нас на парковочной площадке недалеко от своего научного центра. Рядом, как всегда, была верная Динга. Отец светился от радости, был странно молчалив. Казалось, что он просто наслаждался нашим присутствием и хотел сохранить в памяти каждый момент этой встречи. Когда гуляли по парку, он передал мне письмо.

– Что? Ты написал письмо на бумаге? – удивилась я. – Почему не отправил его электронной?

– Так будет лучше, – усмехаясь на тираду вопросов, ответил отец. – Прочитаешь его через неделю. А ты, Себастьян, проследи, чтобы моя любопытная дочурка не вскрыла конверт раньше времени.

– Задание будет выполнено, – посмеиваясь сказал Себастьян и вытащил из моих рук письмо. Он засунул его в свой нагрудный карман и на вопросительный взгляд ответил. – Так надежнее.

Мы провели весь день втроем, замечательный наполненный день. Воображение рисовало картины, как я буду приезжать сюда с сыном. Почему-то была уверена, что родится мальчик. Я покажу ему лес, научу общаться с природой, познакомлю с дедушкой и его замечательной собакой Дингой. А возможно, рождение внука примирит папу с мамой. Вот так, мечтая, а позже разговаривая об этом с Себастьяном, мы вернулись домой к вечеру.

На электронной почте ждало поздравление от мамы. Мы еще утром сообщили ей радостную новость, но обычного разговора ей показалось мало, и она прислала целый фильм с кучей анимационных эффектов.

– Теперь я понимаю, в кого ты такая творческая натура, – прокомментировал Себастьян сообщение, пока я стояла внутри демонстрационного ролика и получала удовольствие от просмотра.

Над головой вспыхивали небольшие фейерверки, рассыпаясь лепестками роз, к ногам подбежал котенок и терся о них, ласково мурлыча. Легкий ветерок с капельками серебряного

дождя прошелся вдоль тела и растворился, рассыпая ароматы весенних цветов. Мама умела создавать праздник.

Через несколько дней, не утерпев, она сама приехала. Мама влетела в дом как вихрь и заполнила собой все пространство. Жизнерадостность и желание каждую минуту что-то делать не давали ей возможности усидеть на месте. Я с удовольствием наблюдала за ее перемещениями, слушала бесконечные истории и думала: «Какие они разные с отцом, но при этом так хорошо когда-то дополняли друг друга».

Мама желала знать все подробности. Вопросы сыпались как из рога изобилия. Пришлось рассказать все с самого начала и до сегодняшнего дня. Как познакомилась с Себастьяном, когда и как поняли, что готовы к рождению ребенка, как записались в очередь, как на это отреагировали родители Себастьяна и как мы получили разрешение. Много из рассказанного она и так знала, но хотела услышать все заново. Я поняла, что так, смакуя детали, она старалась прочувствовать и запомнить всю важность события. Но когда мама узнала, что это отец получил для нас разрешение, ее настроение сразу изменилось. Она была встревожена. Я воспользовалась моментом, чтобы получить ответ на еще один вопрос, мучавший меня.

– Ты знала, что отец подписал пожизненный договор с корпорацией из-за моего рождения? – спросила я.

– Конечно, знала.

– Тогда почему ты требовала от отца, чтобы он оставил свою работу?

– А что бы они сделали?! Ведь ты уже родилась! – вспыхнула она. – Повышенное чувство ответственности твоего отца мешало оставить эту ужасную корпорацию с их непонятными опытами. И честно говоря, думаю, ему нравилось быть причастным к такой работе. Он ученый до мозга костей!

После тирады мама задумалась. Она долго смотрела в окно, а потом неожиданно спросила:

– Над чем ты сейчас работаешь?

Она хотела сменить тему. Этот разговор был ей неприятен и затрагивал так и не зажившие раны в душе.

– Пойдем покажу мой последний проект, – предложила я.

Мы подошли к экрану, и я запустила инсталляцию.

Мама с удовольствием бродила внутри, реагируя на все вживленные образы, потом сказала:

– Почти как вживую. Хорошо.

В этот момент я поняла, чего не хватало в проекте. Вот это слово «почти» создавало грань, не позволявшую полностью окунуться в новый мир.

– В чем разница между «почти» и ощущением себя вживую? – спросила я с надеждой уловить недостающий элемент.

– В энергии, которая исходит от живых объектов, – вот так просто ответила мама.

Вскоре она засобиралась, неожиданно раньше, чем планировала. Но говорить о причинах не хотела. Сказала, что Альберт, ее новый партнер, соскучился и зовет домой. Но мне показалось, было что-то еще.

Мама уехала. Я сдала проект, заказчик был доволен. А я все размышляла о том, как же инсталляцию можно наполнить той самой энергией?

В один из дней Себастьян торжественно достал конверт, переданный нам отцом. Прошла ровно неделя, и мы с чистой совестью могли наконец открыть его и прочитать.

В письме было написано следующее.

«Здравствуй, моя дорогая и любимая Арсения!

Я рад, что ты стала взрослой и умной девушкой, научилась делать правильный выбор в жизни, нашла своего мужчину. Берегите друг друга, любите. Вы скоро станете родителями, и нет ничего лучше на свете, поверьте мне. Вам предстоит пройти новый сложный путь познания себя. И здесь главное – в каждой ситуации делать правильный выбор. Ни при каких обстоятельствах не расставайтесь, доверяйте и поддерживайте друг друга. Мы с твоей мамой не смогли достойно пройти этот путь. У вас все получится. Верю в вас.

А теперь о не менее важном. Я тоже сделал свой выбор. Ваше желание иметь ребенка помогло мне окончательно принять решение. Наш научный проект подходит к логическому концу или к переходу на новый этап реализации. Скоро о результатах будут говорить во всем мире, поэтому могу смело вам рассказать о нем. Начну с того, что давно хотел закончить работу в корпорации. Но подписанный мной договор не отпускал. Тогда я увидел новую возможность. Все эти годы мы искали способ не просто создать оцифрованную копию живых существ, а найти возможность воплощения целого живого мира, энергетически насыщенного, самодостаточного, способного к самостоятельному воспроизводству, развитию.

Шесть месяцев назад произошел прорыв. Мы это сделали. Полгода ушли на сбор данных и их реализацию. Не буду утомлять подробностями. Очередной этап завершен. Нам осталась небольшая деталь, но очень важная. Мы поняли, что каждой такой модели нужен свой координатор, внутри нее, встроенный в систему, который бы знал, как все работает, понимал, с чего началось и к чему должен прийти проект, вносил необходимые изменения. Одним словом, я стану первым координатором. Буду создавать свою планету и наконец получу долгожданную свободу.

Но хочу предупредить тебя, что оставшееся в вашем мире тело, мое тело, может претерпеть изменения. Мы до конца не понимаем, что происходит с отсканированными объектами. Но для меня это уже не важно. Помните, что настоящий я буду там. Вы сможете со мной иногда общаться, если захотите, конечно. Буду рад.

Пожалуй, это все, что мне хотелось тебе сказать. Не волнуйся и помни, что выбор был сделан мной осознанно. Твоя мама права: я, прежде всего, ученый. Мне интересно, что из этого всего получится. Прощай, моя дорогая!»

Я прочла письмо два раза. Потом дала прочитать Себастьяну. Я не знала, как реагировать: восхищаться, негодовать? Мы были просто шокированы. Что же он натворил? В очередной раз пожертвовал собой.

– Похоже, предложение твоего отца оказалось более заманчивым для Совета, чем мое, – неожиданно выдал Себастьян.

Наверное, он случайно проговорился из-за шока или, возможно, хотел меня таким образом успокоить. Но эта фраза окончательно вывела меня из ступора:

– Что?! Ты делал предложение Совету, не обсудив со мной? А ты, ты что им предложил? Отец душу, а ты – тело, мозги, органы?

– Теперь это уже не имеет значение, – расстроено сказал Себастьян.

Как я сейчас злилась. И даже не знаю, на кого больше. На отца, на Себастьяна, на себя? Ведь виновником всех этих событий было мое желание родить ребенка. Подсознательно понимала, что потребуется какая-то жертва, но не такая же. А с другой стороны, какая тогда? Сколько может стоить жизнь человека, как ее измерить и в чем? Одна душа, приходящая в этот мир в обмен на другую. Как мне теперь простить себя?

Я срочно связалась с лабораторией. Мне хотелось надеяться, что еще можно остановить отца. Но было поздно. Сотрудник лаборатории ответил: «Лучше приезжайте сюда сами». Я поняла, что опоздала. Все было сделано. Не зная, за какую соломинку удержаться, набрала маму. Она сказала, что была у отца, сразу от меня полетела к нему, пыталась отговорить. Но он сделал свой выбор.

– По сути, дорогая, ему нужен был формальный повод, чтобы завершить свою работу. Не бери в голову. Он все равно бы это сделал. Рано или поздно. Твоей вины в этом нет. Ни тогда, ни сейчас. Поняла?

Довольно суровые слова и жестокие. Но мне они помогли хотя бы успокоиться. Сразу лететь к отцу в лабораторию я была не готова. Не знала, кого в итоге там встречу. Что здесь осталось от отца? И как теперь с ним разговаривать, тем и этим? Ужасное чувство страха, леденящее, как тогда в лесу при встрече со зверем. Ничто так не пугает, как неизвестность.

Дня через три, немного придя в себя, я готова была к новой встрече с отцом. С одной стороны, хотелось все высказать ему, что так нельзя, Совет вместе с корпорацией не имели права требовать от него таких жертв. Не сомневалась, что Совет города был в курсе такого значимого проекта и субсидировал его хотя бы частично. С другой стороны, почему я решила, что вправе говорить кому-то, как ему жить и какие решения принимать. Будь то отец или Себастьян. Каждый из них сделал то, что считал правильным и единственно возможным. И Себастьян, и отец не меньше меня хотели появления этого ребенка. С чего вдруг решила, что это было лишь мое желание? Только потому что малыш рос и развивался в моем теле, мне показалось, что имею больше прав на него. А имею ли я вообще права на него? Отец писал в своем письме, что нам придется постоянно сталкиваться с выбором. И вот он, первый выбор, наступил. Мы должны принять эту щедрую жертву от отца и научиться радоваться ей. Если мы не сделаем этого, вся последующая жизнь будет омрачена шлейфом долга. Я не могу допустить этого и приму жертву как награду, потому что наша семья достойна ее.

С такими мыслями в голове полетела к отцу. Мы с Себастьяном заранее предупредили лабораторию о своем приезде. Встретил нас один из сотрудников. Он представился Максом.

– Почему нас отец не встречает? – сразу насторожилась я. – Он ходить не может?

– Ну что вы, он вполне здоров. Продолжает работать. Просто... Ну, вы сами все поймете, – Макс переступал с ноги на ногу, не зная, какие слова подобрать. Нам от этого легче не стало.

– Нет, подождите. Говорите все как есть. Арсения беременна, – Себастьян показал на меня рукой. – Ей сейчас лишние переживания ни к чему. Мы должны быть готовы, э-э... к тому, с чем встретимся.

– Хорошо. Прогуляемся, – предложил Макс.

И мы направились в сторону парка. Он значительно разросся после моего последнего визита. Заложенные в растения генные стимуляторы быстрого роста дали свои плоды. Даже за неделю невооруженным глазом были заметны изменения. Высаженные кусты вдоль петляющих дорожек достигли полного расцвета и создавали ощущение уединенности. Деревьям, конечно, еще требовалось время для роста и вхождения в статус «могучих», но они уже сейчас радовали глаз пышными шевелюрами и разбрасывали тени по парку. Каким все-таки странным был переход из только начавшейся весны за территорией лаборатории в вечное лето здесь, да и в городе тоже.

– С чего же начать? – задумчиво пробурчал Макс.

– А вы начните с самого начала, – желая поддержать рассказчика, сказал Себастьян.

– На это уйдет слишком много времени. Пожалуй, начну с прорыва в исследованиях, который произошел у нас чуть более шести месяцев назад. Мы научились не просто оцифровывать живой объект, а переносить часть его энергетической составляющей в наш единый, м-м-м... как бы лучше назвать для вас... новый мир. Его официальное имя Альфа. По сути, внесенная программа могла не просто существовать, а начинала жить, понимаете, не работать как программа, а жить в новом для нее пространстве, приспосабливаться, развиваться, причем исходя из накопленного опыта здесь, на Земле. Это было колоссально! Не могу передать вам, какое это было чудо, настоящий прорыв в науке! Да-а...

Воспоминания захлестнули Макса. Он стоял, уставившись вдаль, и улыбался.

– Что же было дальше? – мне не терпелось услышать главное.

– Дальше? А дальше всю команду ученых с оборудованием быстренько перевезли сюда. Нам дали новое задание. Оцифровать нужно было сотни тысяч экземпляров растений, животных, насекомых и других живых существ. Мы должны были следить за их развитием в Альфе и наблюдать за подопытными здесь в нашем мире. Отмечать, что изменилось, какая выживаемость после оцифровки, ну в общем, вы понимаете. Началась рутина по созданию что-то вроде Ноева ковчега. Мы работали как завод. Одни оцифровывали, другие отслеживали последствия, третьи поправляли исходные данные. При этом секретность проекта – полная. Напряжение людей стало возрастать. И тут вдруг случился первый сбой.

– Неужели? – Себастьяну не удалось скрыть скептическое отношение ко всему рассказу.

Но Макс, не обращая на него внимания, продолжал. Ему очень хотелось выговориться. Это было заметно.

– Проблемы стали возникать при оцифровке, например, колониальных насекомых или стайных животных. Они теряли ориентацию и в программе, и в нашем мире. И тогда ваш отец, гениальный человек, предложил оцифровать колонию целиком. И как вы думаете, какой был результат?

– Полагаю, у вас все получилось, – ответила я. Хотя по блестящим от радости глазам Макса ответ был понятен и без слов.

– Да! – воскликнул он. – Программа заработала!

– Как же не повезло бедным насекомым, – снова съехидничал Себастьян.

– И вы тоже правы. Колонии, оставшиеся здесь после оцифровки, распадались, насекомые погибали. Мы забирали у них ту самую энергию, которая связывала их, объединяла, заставляла выполнять возложенную на них природой роль, – Макс сделал паузу, давая нам возможность осмыслить информацию. Потом продолжил. – После этого открытия нам пришлось внимательнее присмотреться и к одиночкам, так сказать. И знаете, что мы поняли?

– Даже не берусь представить, – в своей уже привычной для этого разговора манере ответил Себастьян.

Я тихонько одернула его за рукав. Он удивленно посмотрел на меня. Взглядом дав ему понять, что пора умерить свой скепсис, я приготовилась слушать нашего рассказчика дальше.

Макс, уловив мое внимание, продолжил:

– Оцифрованные одиночки тоже менялись. Просто эти изменения не так быстро бросались в глаза. Они продолжали жить, как бы правильно выразиться, по инерции. На крупных животных это было заметнее. Они теряли смекалку, любопытство, не саму способность, но желание к воспроизводству.

– Что-то мне это напоминает, – снова прокомментировал слова ученого Себастьян.

Теперь уже я, не обращая внимания на замечания своего друга, выпалила:

– Вы хотите сказать, они становятся роботами! Мой отец – теперь робот?

– Ну это не совсем правильное определение, – смутился Макс.

– А что тогда будет правильным?! – мой вопрос скорее звучал как возглас протеста.

– Я бы сказал, теряются наработанные из поколения в поколение навыки, социализация. Честно говоря, мы сами не до конца понимаем сути процесса. Организм при этом здоров.

– Пока, – уточнил Себастьян.

– Да, пока. Последние исследования правда показывают, что ускоряются окислительные процессы в теле, но мы же научились их контролировать. Ваш отец просто герой. Он согласился сам на этот эксперимент – пройти оцифровку и стать координатором внутри Альфы, как для колонии, понимаете. Хотя кандидатура для проекта долго не была определена. Любой из нас мог оказаться на его месте. Но эта важная роль первопроходца досталась ему...

– Так, оставьте ваши излияния при себе. Отец нас узнает, тот, который сейчас в лаборатории? Я хочу его видеть.

– Да, конечно. Его память в порядке. Просто эмоциональное восприятие изменилось...

– Макс поджал губы, хотел что-то еще добавить, но, передумав, сказал. – Пойдемте.

Он повел нас в здание. Попросил подождать в просторной гостиной. Мы сели на диваны.

– Не волнуйся так, Арсения, я тебя очень прошу. Подумай о нашем ребенке, – Себастьян смотрел на меня умоляющими глазами.

– Хорошо, я постараюсь. Теперь я понимаю, почему мне в один из приездов показалось, что все сотрудники за нами наблюдают. Кандидатура была не определена. Отец – руководитель проекта. От него зависел выбор. Все уже поняли, с чем столкнулись. Никто не хотел нырять в неизвестность. На него одна надежда и была. Мама права, все равно бы он это сделал, отец слишком ответственный. Все это знали и боялись, чтобы он не передумал, не сбежал, в конце концов. Окислительные процессы у них ускоряются. Сначала искали, как продлить жизнь физического тела, а теперь понадобился более подходящий дом для сознания. А тело пусть стареет и умирает. Слишком затратно его обслуживать.

– Не волнуйся, ты обещала.

– Да, я помню. Я спокойна, – так я уговаривала себя, хотя внутри все клокотало.

Вскоре вышел отец. Он подошел к нам. Улыбался. Вроде бы все как обычно. Но внутренне я почувствовала, что что-то все-таки изменилось. Но что? Улыбка! Она была дежурной. Не от души. Ну конечно. При встрече надо улыбаться. Вот он и улыбается. Но при этом чувств нет. Мы поговорили. Фразы тоже были дежурные. Ни о чем. О погоде, о здоровье, о... Неважно. Разговора не получилось. Отец ушел. Я расплакалась. Себастьян начал меня успокаивать. Когда я немного пришла в себя, откуда-то вынырнул Макс.

– Ну что, вы готовы встретиться с вашим настоящим отцом?

Не в силах что-либо говорить, я просто кивнула головой.

– Идемте! – скомандовал Макс и повел нас в скрытую под зданием лаборатории часть.

Мы спустились на лифте, шли длинными петляющими коридорами. Перед очередной дверью он остановил нас и сказал:

– Я завидую вам. Вы сейчас впервые увидите это, – и открыл перед нами дверь. Мы вошли.

Назвать мое состояние от увиденного шоком будет недостаточно. Я испытала такую гамму противоречивых чувств одновременно. Восхищение, радость, испуг. Словно родилась заново в этот момент – все сознание перевернулось.

Перед нами висел в воздухе огромный шароподобный сгусток энергии. Он переливался разными оттенками, преобладали голубые, зеленые, сиреневые. На поверхности и внутри шара периодически происходили небольшие вспышки света. Он медленно вращался. Объект завораживал своей красотой и мощью. Чувствовался огромный скрытый в нем энергетический потенциал. Как они это сделали? Как такое чудо возможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.